

Енисейская епархиальная ведомости.

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ: 1-го и 15 числа.

ПОДПИСКА принимается въ редак-
ціи: Гостинская ул., д. бывший Сере-
бrenиковой.

Ц Ъ Н А годовому изданію съ
доставкою и пересылкою 6 руб.

1911 года.

№ 2.

15 января.

Содержаніе. Отдѣлъ оффиціальны: Оффиціальная хроника.—Ва-
кантныя мѣста.—Отчетъ Братства (Продолженіе.).

Отдѣлъ неоффиціальны: Эрнестъ Ренанъ (Продолженіе),—Хр.
Соболева. Къ вопросу объ участіи дух. въ коопер. учрежденіяхъ,—свят. І. Парышева.
Корреспонденція,—свят. Н. Пикановскаго.—Памяти воспит. Сем., Н. Амантова.
Объявленія о журналахъ.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Оффиціальная хроника.

Псаломщикъ Горбинской церкви, Ачинскаго уѣзда, Николай
Синевъ, по прошенію, перемѣщенъ на псаломщическое мѣсто въ
Березовской церкви, Ачинскаго уѣзда,—22 ноября 1910 г.

Псаломщикъ Березовской церкви, Ачинскаго уѣзда, Влади-
миръ Петровъ, по прошенію, уволенъ отъ должности—22 нояб-
ря 1910 года.

Священникъ Ивановской (Доновъ) церкви, Ачинскаго уѣзда, Михаилъ Никулинъ, по прошенію, перемѣщенъ на священническое мѣсто къ Избушечной церкви, Ачинскаго уѣзда,—28 мая 1910 г.

Псаломщикъ Петрушковской церкви, Канскаго уѣзда, Василій Климовскій, по прошенію, перемѣщенъ на псаломщическое мѣсто къ Спасской церкви на ст. „Красноярскъ“ Сиб. ж. д.—24 ноября 1910 года.

Діаконъ Константинъ Александровъ, по прошенію, опредѣленъ на псаломщическое мѣсто къ градо-Красноярскому Воскресенскому Собору—25 ноября 1910 года.

Псаломщикъ градо-Красноярскаго Воскресенскаго Собора Александръ Ивановъ, по прошенію, опредѣленъ на діаконское мѣсто при этомъ-же Соборѣ—23 ноября 1910 года.

Псаломщикъ Идринской Георгіевской церкви, Минусинскаго уѣзда, Павлинъ Рязанскій уволенъ отъ должности—27 ноября 1910 года.

Іеромонахъ Красноярскаго Знаменскаго Скита Митрофанъ назначенъ вр. и. об. Настоятеля сего Скита—29 ноября 1910 года.

Сверхштатный священникъ Красноярскаго Каѳедральнаго Собора Иннокентій Орфеевъ, по прошенію, опредѣленъ на священническое мѣсто къ Спасской церкви на ст. Красноярскъ—29 ноября 1910 года.

Псаломщикъ Бѣлоярской Георгіевской церкви, Ачинскаго уѣзда, Александръ Петровъ, по прошенію, уволенъ отъ должности—4 декабря 1910 года.

Заштатный псаломщикъ Елисаветинольской губ. Θεодоръ Агринскій, по прошенію, опредѣленъ и. д. псаломщика къ Кускунской церкви, Красноярскаго уѣзда,—11 декабря 1910 года.

И. д. псаломщика Кускунской церкви. Красноярскаго уѣзда. Николай Аѳанасьевъ, перемѣщенъ на псаломщическое мѣсто къ Бѣлоярской Пророко-Ильинской церкви, Ачинскаго уѣзда,—11 декабря 1910 года.

Псаломщикъ Верхне-Уринской церкви, Канскаго уѣзда, Василій Бирюковъ, по прошенію, перемѣщенъ на псаломщическое мѣсто къ Горбинской церкви, Ачинскаго уѣзда,—декабря 1910 года.

Священникъ Каптыревской Пророко-Ильинской церкви, Минусинскаго уѣзда, Николай Пикановскій опредѣленъ Уѣзднымъ Наблюдателемъ церковныхъ школъ по Ачинскому уѣзду, I и III-му благочиніямъ Енисейскаго уѣзда и гор. Енисейску, съ отчисленіемъ отъ занимаемаго имъ Каптыревскаго прихода и съ причисленіемъ его къ Ачинскому Собору сверх-штата—18 декабря 1910 года.

И. д. псаломщика Изынжуйской Николаевской церкви, Ачинскаго уѣзда, Иванъ Аѳанасьевъ взять на военную службу—7 декабря 1910 года.

Псаломщикъ Ниже-Займской церкви, Канскаго уѣзда, Владиміръ Ивановъ умеръ—24 ноября 1910 года.

В а к а н т н ы я м ѣ с т а.

С в я щ е н н и ч е с к і я.

Ачинскаго уѣзда, въ селахъ: Ново-Александровскомъ (жалованья 400 рублей, домъ для священника церковный, въ приходѣ 1 деревня, жителей 456 душъ муж. пола).—Петровскомъ, а.

Канскаго уѣзда, въ селахъ: Шелеховскомъ, а.—Черинга-четскомъ, а.—Фаначетскомъ, а.—Межевскомъ, а.—Затальскомъ, а.

Красноярскаго уѣзда: Устюжскомъ (жал. 300 руб., домъ есть, въ прих. 4 деревни, жителей 1416 д. м. п.).

Минусинскаго уѣзда, въ селахъ: Синявинскомъ (жалованья 600 руб., домъ есть, въ приходѣ деревень нѣтъ, жителей 1336 д. м. п.).—Ермаковскомъ (жалованья 300 руб., домъ есть, въ приходѣ 9 деревень, жителей 3409 д. м. п.).—Кнышенскомъ (жалованья 300 руб., домъ есть, деревень въ приходѣ 6, жи-

телей 1805 душъ муж. пола.). Имисскомъ (жал. 300 руб., домъ есть, деревень въ приходѣ 7, жит. 2599 д. м. п.).—Каптыревскомъ, жал. 300 р., домъ есть, въ приходѣ 2 дерев. жит. 1714 д. м. п.).

Енисейскаго уѣзда, въ селахъ: Каменскомъ (жалованья 400 руб., свѣдѣній о домѣ нѣтъ, деревень 3, жителей 512 душъ муж. пола).—Богучанскомъ (жалованья 300 руб., домъ есть, въ приходѣ 7 деревень, о числѣ жителей свѣдѣній не имѣется).—Ярцевскомъ (жалованья 400 руб., домъ есть, въ приходѣ 3 деревни, жителей 373 д. м. п.).—Червянскомъ (жалованья 300 р., домъ есть, деревень въ приходѣ 5, жителей 902 д. м. п.).—Бѣльскомъ (жалованья 300 рублей, домъ есть, въ приходѣ 3 деревни, жителей 681 д. м. п.).—Маковскомъ (жалованья 300 руб., домъ есть, деревень въ приходѣ 3, а улусовъ 5, жителей 264 души муж. пола).

Туруханскаго края: Тазовскомъ (Свѣдѣній нѣтъ).

Д і а к о н с к і я .

Минусинскаго уѣзда: Кочергинскомъ, (жал. 60 руб., домъ общественный, дер. въ приходѣ 5, жит. 2882 д. м. п.).

П с а л о м щ и ч е с к і я .

Ачинскаго уѣзда, въ селахъ: Ново-Александровскомъ (жалованья 125 р., квартира церковная, деревень 1, жителей 456 д. м. п.).—Бѣлоярскомъ (Георгіевская) (жалованья 100 руб., домъ есть, въ прих. 5 дер., жит. 836. д. м. п.).—Изынжульскомъ (жал. 100 руб., квартиры нѣтъ, въ прих. 6 дер., жит. 2620 д. м. п.).

Красноярскаго уѣзда: Шилинскомъ (жал. 100 руб., домъ общественный, деревень въ приходѣ 6, жителей 2052 души муж. пола).

Минусинскаго уѣзда, Сисимскомъ (жал. 100 руб., домъ есть, дер. 1, жителей 612 д. м. п.)—Мигнинскомъ, съ 13 сент.

1910 г. (свѣдѣній нѣтъ).—Идринскомъ (жал. 100 руб., домъ есть въ прих. 2 дер. жит. 1679 д. м. п.).—Кочергинскомъ (жал. 60 руб., домъ есть, въ прих. дер. 5, жит. 2882 д. м. п.).

Канскаго уѣзда:—Межевскомъ, а.—Затальскомъ, а.—Черингачетѣ, а.—Ниже-Займскомъ, (жал. 100 руб., домъ есть, дер. въ приходѣ 1, жителей 512 д. м. п.).—Верхне-Уринскомъ (жал. 100 р., домъ есть, въ приходѣ 3 деревни, жит. 1370 д. м. п.).

Туруханскаго края, при Ессейской часовнѣ (свѣдѣній нѣтъ).

Примѣчаніе: отмѣченные буквою „а“—вновь открытые переселенческіе приходы.

О Т Ч Е Т Ъ

о дѣятельности Совѣта Енисейскаго Епархіальнаго Братства Рождества Пресвятыя Богородицы
(съ 8 сентября 1909 года по 8 сентября 1910 года).

(Продолженіе).

„Мы трудимся, дѣлая то, къ чему кто способенъ; живемъ между собою по братски, по примѣру древнихъ христіанъ, собираемся на молитву и богослуженіе, во время которыхъ, научаясь и назидаясь изъ слова Божія, бесѣды своихъ сочленовъ—проповѣдниковъ и другъ отъ друга, укрѣпляемся силою св. Духа на продолженіе жизни и дѣлъ угодныхъ Богу и намъ полезныхъ.... У насъ на собраніяхъ порядокъ, тишина и благочиніе; все слышно и понятно, что говорится. Мы жалѣемъ о тѣхъ, кто съ нами не согласенъ“... Такими обольстительными и лукавыми рѣчами сектанты стараются прельщать православныхъ простецовъ.

Баптизмъ въ Енисейской епархіи, какъ и вообще во всей русской Церкви, все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ себѣ послѣдователей; онъ развивается въ районѣ по линіи желѣзной дороги, а также въ Минусинскомъ и Красноярскомъ уѣздахъ. Въ Минусин-

скомъ уѣздѣ баптизмъ увеличивается отчасти вслѣдствіе совращенія православныхъ, а главнымъ образомъ, благодаря пріѣзжимъ изъ Россіи. Нѣкоторыя баптистскія общины имѣютъ своихъ пресвитеровъ, а нѣкоторыя выписываютъ къ себѣ пресвитеровъ изъ Россіи. Пріѣзжіе устраиваютъ собранія, наставляютъ ихъ въ своей вѣрѣ, экзаменуютъ прозелитовъ и потомъ совершаютъ надъ ними крещеніе. Большимъ соблазномъ для православныхъ является то обстоятельство, что баптисты обычно выдаютъ отъ общины прозелитамъ субсидію отъ 30 до 50 р. на каждого обратившагося къ нимъ.

Секта іоаннитовъ.

Довольно сильною живучестью отличается секта іоаннитовъ; хотя нужно сказать, что она не отличается организованностью своей внутренней жизни. Сектантскій элементъ здѣсь больше кочующій въ качествѣ книгоношъ. Іоаннитскіе книгоноши то и дѣло бродятъ по городамъ, селамъ и деревнямъ, посѣщая жителей почти изъ дома въ домъ, съ предложеніемъ купить отъ нихъ или какой либо образокъ, портретъ „дорогого батюшки о. Іоанна Кронштадтскаго, или какую либо брошюрку. Среди брошюръ и книгъ, распространяемыхъ іоаннитами-книгоношами, много экземпляровъ имѣется разныхъ сочиненій, проповѣдей почившаго о. Іоанна Кронштадтскаго, но есть книги и брошюры злобно-тенденціознаго характера, направленныя противъ многихъ Архипастырей Православной Церкви и противъ Св. Синода, напримѣръ, „Истинное Православіе въ Синодрію XX вѣка“ или „На Миссіонерскомъ съѣздѣ въ Кіевѣ“ „Современный судъ Каіафы, судъ іоаннитовъ“ и т. п.

Въ отчетномъ году отобрано было у іоаннитовъ нѣсколько десятковъ пудовъ такой литературы; именно въ Енисейскомъ уѣздѣ приставъ отобралъ до двухъ пудовъ іоаннитской литературы, которая и была представлена въ Братство. По разсмотрѣніи ея оказалось, что часть брошюръ вполне корректнаго содержанія и одобрены цензурою, а часть злостнаго, вреднаго содержанія. Точно также въ д. Дрокиной, Красн. у., въ амбарѣ одного изъ мѣстныхъ

жителей Григорьева, увлекшагося набожностью странников іоаннитовъ, найдено до 18 пудовъ іоаннитской литературы. Этотъ крестьянинъ Григорьевъ со своей женою явились съ недавняго времени проповѣдниками іоаннитскихъ ученій въ д. Дрокиной: въ своемъ домѣ они съ рѣдкимъ радушіемъ принимаютъ іоаннитовъ, которыя обычно подолгу проживаютъ въ д. Дрокиной, устраивая въ домѣ Григорьева вечернія бесѣды и моленія. Григорьевъ, увлекшись іоаннитствомъ, самъ распространялъ его среди дрокинскихъ жителей. Жертвами іоаннитской пропаганды въ означенной деревнѣ за короткое время сдѣлались еще: Анна Терскова, Агрипина Терскова, Петръ Дамовъ, Марія Захарова и Акилина Адрианова.

Въ г. Красноярскѣ, въ районѣ Николаевской слободы, есть домикъ, который служитъ для пристанища кочующихъ іоаннитскихъ проповѣдниковъ; иногда въ немъ собирается челоуѣкъ до пятидесяти іоаннитовъ.

Распространено іоаннитство въ уѣздахъ Ачинскомъ и Минусинскомъ. Тамъ, въ нѣкоторыхъ селахъ и деревняхъ, іоанниты устраиваютъ собранія, на которыхъ читаютъ вмѣстѣ св. Евангеліе и книжки объ отцѣ Іоаннѣ и поютъ религіозныя стихотворенія изъ лепты и объ о. Іоаннѣ. Такія собранія происходили, напр., въ Маломъ Улуѣ, Ачин. у., въ селѣ Кышинскомъ, Минус. у.

2) Миссіонерская борьба съ сектантствомъ.

Опасное положеніе, грозящее со стороны сектантства, вызвало на энергичную борьбу Братство—въ лицѣ миссіонеровъ и нѣкоторыхъ священниковъ. Эта дѣятельность проявилась прежде всего въ публичныхъ и частныхъ бесѣдахъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Эрнестъ Ренанъ и его книга „Жизнь Іисуса“.

(Критическія замѣчанія).

(Продолженіе).

Высказавши свой взглядъ на каноническія Евангелія, обвинивши въ противорѣчивости и легендарности ихъ повѣствованія, Ренанъ этимъ самымъ опредѣлилъ уже характеръ и направленіе своей будущей „исторической“ работы и обнаружилъ отчасти свои приемы и задачи. Если наши Евангелія не имѣютъ полной достовѣрности и несомнѣннаго историческаго значенія, если историкъ не имѣетъ права довѣрять нѣкоторымъ ихъ повѣствованіямъ и свидѣтельствамъ, если многіе тексты ихъ сбивчивы и противорѣчивы, если историческія даты ихъ неполны и отрывочны, то историкъ, приступающій къ реставраціи Евангельскихъ событій, долженъ прежде всего обладать художественнымъ инстинктомъ и гениемъ. Инстинктъ и чутье помогутъ историку сравнить, разъединить и сблизить скученные и отрывочные Евангельскіе тексты до живого и цѣлостно-органическаго разсказа. А сила и прозорливость художественнаго генія подскажутъ ему, какъ нужно смотрѣть на различныя Евангельскія даты, гдѣ и что нужно убавить, чтобы картина получилась стройная и законченная. Художественное творчество и поэтическое вдохновеніе облекутъ высокія души прошлаго, проходящія предъ уметвенными взорами историка, въ ихъ плоть и кровь, и онѣ снова оживутъ на страницахъ его исторіи. Въ той живой и логически-последовательной системѣ, въ той законченной и гармонически-стройной картинѣ, какую долженъ дать Евангельскій историкъ, онъ долженъ сосредоточить свое вниманіе на вѣрности общаго рисунка, общей конструкціи, общаго освѣщенія.

Дѣло и задача Евангельскаго историка не въ опредѣленіи достовѣрности въ каждой мелочи, въ каждомъ отдѣльномъ штрихѣ,

не въ передачѣ событія во всѣхъ его подробностяхъ, провѣрки ихъ невозможно,—но въ томъ, чтобы уловить самую душу исторіи, постигнуть ея высшій смыслъ, ея идею.

Задачи историка Ренанъ понялъ довольно своеобразно. Тотъ природный инстинктъ и поэтическое вдохновеніе, которые должны сопровождать историка въ его работѣ, Ренанъ истолковалъ (и практиковалъ) въ смыслѣ полного произвола, въ смыслѣ самой необузданной фантазіи. Къ своему пятому евангелію,—данному въ видѣ Палестинской природы,—Ренанъ присоединилъ еще шестое, въ которомъ и воспользовался въ самыхъ широкихъ размѣрахъ Творческою фантазіею, не знающею предѣла и мѣры въ своихъ полетахъ,—вотъ тотъ главный источникъ, откуда почерпалъ Ренанъ рукою хозяина, матеріалы для жизни „Своего Иисуса“.

Трудъ Ренана можно назвать публицистическимъ, беллетристическимъ, но только не историческимъ. Историческій трудъ зиждется на памятникахъ и матеріалахъ историческихъ; книга Ренана опирается на личныя, субъективныя переживанія автора и игнорируетъ историческія данныя. Ренанъ основывается на субъективной вѣрѣ въ свой научно-художественный геній и на свою личную непогрѣзнительную способность найти и постигнуть историческую истину вообще и Евангельскую въ частности.

Къ изображенію Евангельскихъ событій Ренанъ приступаетъ съ опредѣленно-отрицательнымъ міросозерцаніемъ, въ которомъ нѣтъ мѣста признанію чуда и вѣрѣ въ его возможность и дѣйствительность. Всемирная исторія для такихъ людей, забывшихъ, что „за ткацкимъ станкомъ“ ея возсѣдаетъ Высшая Сила, ея направляющая, строится безъ чудесъ, исключительно естественно-человѣческою силою. Ренанъ принадлежитъ, по своему міропониманію, къ этой именно жалкой школѣ историковъ, которая не видитъ въ жизни народовъ никакой объединяющей и высшей идеи, которую все объясняетъ условіями мѣста, времени, врожденныхъ представленій, вообще внѣшнимъ сцѣпленіемъ обстоятельствъ и игр случая. Справедливость требуетъ сказать, что направленіе это

школы односторонне и глубоко-ненормально. Для такихъ историковъ нѣтъ средоточія или главы въ исторіи, ибо у нихъ нѣтъ для нея ни начала, ни конца. Исторія является для нихъ не высокою истиною и великимъ урокомъ для ума, сердца и воли,—но уму непонятной, сердцу недоступной и волѣ чуждой игрой слѣпого случая. Они, роющіеся въ мелочной обстановкѣ великихъ историческихъ событій, вращающіеся въ круговоротѣ политическихъ и географическихъ условій, не находятъ высшаго идейнаго смысла въ историческихъ движеніяхъ народовъ, и они представляются имъ безцѣльными и бессмысленными судорогами. Вопросы: къ чему направляется исторія, какими законами управляется, какую цѣль преслѣдуетъ, какую силою дѣется—для нихъ не существуютъ. А безъ этихъ вопросовъ и соотвѣтствующихъ отвѣтовъ на нихъ нѣтъ и исторіи. Изучая одно тѣло народовъ и не зная духа его, они ограничиваются описаніемъ внѣшнихъ смѣщеній народовъ на исторической сценѣ и по близорукости своей обращаютъ науку въ какой-то спортъ празднаго остроумія, въ головоломную шахматную игру, въ схоластическую хрію на заданную тему.

Съ этой точки зрѣнія и съ такимъ куцымъ пониманіемъ исторіи и задачъ историка подошелъ Ренанъ къ Евангельской, всемірной исторіи. Онъ открыто и прямо заявляетъ свое односторонне-ложное и безыдейное міросозерцаніе, когда говоритъ: чудо въ наукѣ не принято, въ чудеса не вѣрятъ ученые, чудо не доказано, исторія не знаетъ ни одного чуда, засвидѣтельствованнаго опытомъ. Съ этой предвзятой идеей и приступаетъ Ренанъ къ возстановленію Евангельскихъ событій, къ освобожденію ихъ отъ всѣхъ „надстроекъ и темнотъ“. Онъ вычеркиваетъ изъ Евангелій все то, что не умѣщается въ узкихъ рамкахъ его собственнаго міросозерцанія и оставляетъ только то, что согласуется съ нимъ. Онъ выбираетъ изъ Евангелій то, что ему „лично“ кажется достовѣрнымъ и отбрасываетъ все то, что противорѣчитъ его взглядамъ и убѣжденіямъ, что составляетъ, по нему, область легендарнаго. При такомъ отношеніи къ дѣлу, Ренанъ нарушаетъ на

каждомъ шагѣ самые элементарные приемы исторической критики. Онъ не затрудняется ни хронологическими датами, ни параллельными мѣстами и безапелляціонно, рукой хозяина, исправляетъ историческій документъ, какъ свою черновую тетрадь. Ренана занимаетъ только одна мысль: такъ скомбинировать и сблизить Евангельскіе тексты, чтобы можно было, руководясь инстинктомъ прекраснаго, образовать изъ нихъ одно цѣлое, одну картину. Ему нужны—общая правдивость колорита, гармонія цѣлаго, вѣрность общаго рисунка. Въ жертву своему Молоху,—общему тону и стилистичности,—Ренанъ приносить все, до научныхъ требованій включительно...

Ренанъ перетасовываетъ Евангеліе. Путемъ этой перетасовки, на основаніи случайной связи и внѣшняго соприкосновенія фактовъ, Ренанъ строитъ новую исторію, взамѣнъ отвергнутой имъ Евангельской, съ содержаніемъ и смысломъ въ духѣ своихъ вѣрованій и понятій. Въ качествѣ примѣра, подтверждающаго тотъ крайній произволъ, какой допустилъ Ренанъ въ пользованіи Евангельскими источниками, можно указать на то, что имъ сочиненъ въ жизни Иисуса Христа цѣлый періодъ,—такъ называемый Галилейскій,—о которомъ не говоритъ ни одинъ Евангелистъ. Этотъ Галилейскій періодъ въ жизни Иисуса понадобился Ренану въ романтическихъ цѣляхъ контраста; на немъ держится вся схема его труда и безъ него, какъ безъ краеугольнаго камня, онъ теряетъ все свое видимое единство и гармонію. По Ренану выходитъ, что общественную дѣятельность Иисусъ Христосъ началъ еще до крещенія Его отъ Предтечи, а проповѣдническое служеніе Его послѣ крещенія, т. е., первый періодъ, по Евангелію, превращается у Ренана во второй. Между тѣмъ Евангелія всѣ согласно говорятъ о томъ, что до 30-лѣтняго возраста Христосъ жилъ въ Назаретѣ, въ домѣ мнимаго отца своего, плотника-Іосифа и, лишь принявши крещеніе отъ Іоанна, дабы „исполнить всякую правду“, выступилъ на дѣло общественнаго служенія человечеству. Ренанъ счелъ себя въ правѣ поправить ясный Евангельскій разсказъ и послалъ Иисуса на про-

повѣдъ еще до крещенія Его въ „водахъ Іорданскихъ“. Игнорируя научныя требованія и сокращая смыслъ Евангелій до своего собственного, Ренанъ рѣдко нисходитъ къ доказательствамъ своихъ положеній. Онъ, подобно оракулу, авторитетно ставитъ свои тезисы, какъ міровыя и непреложныя истины. Отсюда голословность является новой отличительной чертой его книги. Его рѣчь, не обращенная на мотивировку и аргументацію своихъ предположеній, на обстоятельную критику неблагопріятствующихъ ему взглядовъ, пріобрѣтаетъ особо-Ренановскую плавность и легкость, журчитъ какъ беззаботный ручей и, — магически усыпляя читателя и „погружая мысль его въ какой-то сладкій сонъ“, лепечетъ ему, подъ видомъ исторіи, таинственную „сагу — сказку“...

При такомъ методѣ изслѣдованія трудъ Ренана перестаетъ быть исторіей. Это — чисто субъективное толкованіе на исторію, индивидуально-художественный комментарий къ ней, все, что угодно, только не исторія, безпристрастная, вдумчивая, серьезная, „холодная“, какъ говорилъ когда-то самъ авторъ.¹⁾

Дѣйствительно, ученые спеціалисты считаютъ для Ренана титулъ историка пустой претензіей. Ренанъ не обладалъ самыми элементарными свойствами историка. Ему прежде всего не достаетъ спокойнаго и объективнаго отношенія къ исторической дѣйствительности. Историкъ, безпристрастно относящійся къ историческимъ памятникамъ, долженъ тщательно пересмотрѣть и усвоить находящійся въ его распоряженіи историческій матеріалъ, внимательно изучить факты, взвѣсить свидѣтельства за и противъ нихъ, провѣрить степень ихъ достовѣрности, а затѣмъ уже, на основаніи отрывочныхъ историческихъ документовъ, возстановитъ событіе или эпоху въ цѣломъ ея видѣ. Этой аналитической или критической задачѣ Ренанъ удѣлилъ очень мало вниманія. Самому важному вопросу объ источникахъ Евангельской исторіи онъ посвятилъ лишь бѣглый и поверхностный очеркъ, составленный по довѣрію къ чужимъ авторитетамъ (нѣмецкимъ раціоналистамъ). А въ детальное изуче-

¹⁾ Ренанъ, стр. 6.

ніе самихъ памятниковъ, въ осторожное взвѣшиваніе свидѣтельствъ за и противъ Ренанъ даже и не входитъ. Безъ долгихъ научныхъ изысканій, утомительно дѣйствовавшихъ на его подвижной характеръ, Ренанъ съ плеча разрубилъ Горліевъ узелъ, обвинилъ Евангельскіе источники въ легендарности и, считая вопросъ исчерпаннымъ, выдвинулъ вмѣсто нихъ свой собственный источникъ—творческую фантазію.

Кромѣ критико-аналитической задачи у историка есть еще и другая—чисто художественная. Онъ долженъ возстановить характеръ событій, лицъ, всей эпохи на основаніи блѣдныхъ, сухихъ и короткихъ историческихъ документовъ. Онъ долженъ войти въ сущность той или другой исторической эпохи, проникнуть въ ея цѣли и идеалы, заглянуть въ самую душу героевъ, подмѣтити внутреннія, сокровенныя движенія ихъ сердечной жизни и передать ихъ съ возможною отчетливостію и полнотою. Прозрѣвая и созерцающая художественнымъ инстинктомъ сквозь мертвый матеріалъ лѣтописей, надписей и другихъ памятниковъ прошлаго давнишнюю, уже отжившую жизнь, историкъ-художникъ долженъ снова оживить ее силою своего творческаго генія и вновь заставить бороться и страдать на исторической сценѣ тѣни историческихъ лицъ...

Первымъ и главнымъ условіемъ успѣшнаго выполненія этой далеко нелегкой задачи является то духовное сродство, которое должно существовать между историкомъ-художникомъ и историческимъ лицомъ, обеспечивающее за нимъ пониманіе историческихъ лицъ и ихъ психологіи. Безъ этого условія живое и цѣльное изложеніе и пониманіе историческихъ лицъ—дѣло невозможное. Поэтому вполнѣ справедлива та мысль, что критикомъ Евангелія можетъ быть и невѣрующій, а историкомъ—только человѣкъ съ христіанскимъ настроеніемъ духа. Невѣрующій и скептикъ не можетъ быть компетентнымъ историкомъ христіанства: онъ будетъ говорить о вещахъ, имъ не извѣданныхъ личнымъ опытомъ, чуждыхъ ему и непонятныхъ. Это замѣчаніе особенно приложимо къ Ренану, который хочетъ быть не столько критикомъ, сколько художникомъ.

Напрасное желаніе... Въ душѣ Ренана нѣтъ къ этому рѣшительно никакихъ данныхъ, ибо нѣтъ того необходимаго моральнаго сродства съ міромъ Евангельскимъ, безъ котораго художественный образъ легко можетъ обратиться въ каррикатуру.

Это и случилось съ Ренаномъ. Дѣйствительно, что могъ увидѣть Ренанъ въ лицѣ Голгоѣскаго Страдальца?... Ничего. Пусто и мертво было сердце историка. Въ немъ не было никакихъ точекъ соприкосновенія съ Образомъ Іисуса, никакого проникновенія въ Него, и Ренанъ не понялъ и не могъ понять этого Образа. И трудно было ожидать отъ Ренана, чтобы между нимъ и Іисусомъ могло установиться какое-бы то ни было нравственное единеніе и соприкосновеніе, при наличности котораго и можно только постичь до извѣстныхъ предѣловъ всю богочеловѣческую глубину духовной жизни Іисуса. Обратимся къ посредству конкретных примѣровъ, разъясняющихъ и подтверждающихъ высказанную мысль.

Христось въ Геесиманіи. Страшная и единственная ночь!.. Великій Праведникъ, покорный исполнитель совѣтовъ Вѣчнаго, рѣшалъ въ эту ночь судьбу человѣчества...

За слово истины высокой

Голгоѣскій крестъ предвидѣлъ Онъ

И, чувствомъ скорби возмущенъ,

Отцу молился одиноко:

„Отецъ! Отецъ! Мнѣ тяжело,

Мой умъ колеблется, темнѣетъ:

Все человѣческое зло

На мнѣ единомъ тяготѣетъ;

Позоръ людской — позоръ вѣковъ, —

Все на Себя Я принимаю,

Но Самъ подъ тягостью оковъ,

Какъ человѣкъ, изнемогаю...

Но если Твоему народу

Позоръ Мой славу принесетъ,

Пускай за общую свободу
Сынъ Человѣческій умреть.
И если кровь нужна святая,
Чтобъ землю съ небомъ примирить, —
Твой вѣчный судъ благословляя,
На крестъ готовъ я восходить“...¹⁾

Мнѣ не нужно прибавлять ничего къ приведеннымъ словамъ вѣрующаго поэта художника, въ которыхъ онъ описываетъ Геосиманское бореніе Христа.

„Вспоминались-ли Ему свѣтлые источники Галилеи, гдѣ бы Онъ могъ освѣжиться; виноградные кусты и смоковницы, подѣ тѣнью которыхъ Онъ могъ бы сѣсть... отдохнуть... проклиналъ-ли онъ Свою суровую долю, которая отнимала отъ Него радости, всѣмъ другимъ дозволенныя? Скорбѣлъ-ли о томъ, что, родившись со слишкомъ возвышенной душой, сталъ жертвой своего величія, и плакалъ-ли, что не остался простымъ плотникомъ изъ Назарета?“...²⁾.

А это „художественное“ описаніе Геосиманскаго подвига принадлежитъ Ренану... Что могъ человѣкъ, имѣющій такія понятія, найти для себя родного въ свѣтлой душѣ Безгрѣшнаго...

Въ Геосиманскомъ саду Іисусъ пережилъ въ Своемъ духѣ, ради избавленія человѣческаго, то же уничиженіе, что и на Голгоѣ. Представьте себѣ человѣка, который нечеловѣческимъ, Божественнымъ сознаніемъ охватилъ всѣ язвы міра, грѣхи всѣхъ отдѣльныхъ совѣстей, увидѣлъ всю сумму зла и который—въ силу своей духовной сближенности и сращенности съ людьми, почувствовалъ на себѣ одномъ, какъ свой собственный, этотъ тяжелый наслѣдственный позоръ человѣческой... Это именно и пережилъ въ Геосиманіи Сынъ Человѣческій:

Все человѣческое зло
На Мнѣ единомъ тяготѣть...

¹⁾ И. Никитинъ, Моленіе о чашѣ.

²⁾ Ренанъ, стр. 138.

Въ Своей Богочеловѣческой совѣсти Онъ принесъ уже Себя въ жертву примиренія Бога съ человѣкомъ, поскольку Его Святая Воля свободно подчинилась Волѣ Отца, пославшаго Его на спасеніе міру, поскольку Онъ самъ жаждалъ, по неизреченной любви Своей къ падшему человечеству, искупленія послѣдняго чрезъ посредство предстоящихъ Ему крестныхъ страданій и смерти.

Отецъ! спаси же Свой народъ,
Дай Мнѣ на подвигъ укрѣпленіе!
И Сынъ Твой съ радостью умереть
Великой жертвой примиренья...
И руки къ небу Онъ подъялъ,
И весь въ молитву превратился...
Огонь лицо Его сжигалъ,
Кровавый потъ по Немъ струился.

Все это случилось на Масличной горѣ, незримо для міра и людей, не ощущаемо для Апостоловъ, сномъ отягощенныхъ, въ тайникахъ Богочеловѣческой Совѣсти Изрешаго:

„Отче! не Моя воля, но Твоя да будетъ“! — Геѳсиманскій кровавый подвигъ— послѣдняя ступень къ жертвеннику Голгоѳскому, на которомъ пролита была пречистая кровь Агнца Непорочнаго, „заколенного прежде сложенія міра!“..¹⁾ Здѣсь въ Лицѣ Одного совершился судъ надъ всѣмъ человечествомъ, надъ всѣмъ его прошлымъ, надъ законами его прежняго бытія, и это прошлое было осуждено и уничтожено. Рукописаніе грѣховъ нашихъ было разорвано, преступное прошлое заглажено. Падшій человѣкъ, рабъ грѣха, чадо гнѣва Божія, умеръ. вмѣсто него входилъ въ міръ новый человѣкъ, свободный совершитель своего спасенія, любезный сынъ Всеблагаго Отца...

„Свершилось міра искупленіе:
Безгрѣшный въ жертву принесенъ...
Исполненъ, кровь за преступленіе
Опредѣляющій, законъ...”

¹⁾ Апок. XIII, 8.

Богъ сдѣлалъ все, за насъ страдая,
Что невозможно было намъ:
На древо тѣломъ непорочнымъ
Грѣхи людскіе Онъ вознесъ,
И съ древа людямъ произнесъ
Слова прощенья“...²⁾)

Голгофа — великая міровая трагедія. Сущность этой трагедіи и значеніе ея понятны людямъ лишь глубокаго христіанскаго настроенія. Вотъ почему Голгова, какъ и Геосиманія, нераздѣльно слитая одна съ другой во единомъ искупительномъ подвигѣ Божечеловѣка, ничего не могли сказать сердцу и уму Ренана.

Хр. Соболевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ вопросу объ участіи духовенства въ кооперативныхъ учрежденіяхъ.

„И увидалъ (Иисусъ) мытаря, именемъ Левія, сидящаго у сбора пошлей, и говоритъ ему: слѣдуй за Мною, и онъ, оставивъ все, всталъ и послѣдовалъ за Нимъ“ (Лук. 5. 27, 28). А теперь слышимъ другое призваніе: садитесь, пастыри, у сбора пошлей, заводите кооперативныя учрежденія, выдавайте денежныя ссуды, собирайте долги, взыскивайте проценты, — „тутъ вы завяжете *тѣсныя узы* съ своими прихожанами“. Если не судились — будете судиться, если не притѣсняли — будете притѣснять, если мало скорбѣли за свою бѣдную паству — то скорбь ваша усугубится.

I.

Какъ письмо о. В. Кузьмина объ участіи духовенства въ кооперативныхъ учрежденіяхъ, такъ и постановленіе по этому

²⁾. Слуцкій, сборникъ духовныхъ стихот., СПб, 1903 г. стр. 135.

поводу Епарх. съѣзда духовенства, нѣсколько смутили меня. Къ прямымъ пастырскимъ обязанностямъ,— устроить Церковь Христову на землѣ, хотятъ прибавить новую обязанность, заботиться о поддержкѣ матеріальнаго благосостоянія пасомыхъ, путемъ проведенія въ народную жизнь кооперативныхъ учрежденій. И эта новинка, предлагаемая намъ только лицевой стороной, ставится чуть-ли не во главу всего пастырскаго дѣла. Стараются увидѣть въ ней чуть-ли не цѣль пастырскаго служенія. Какъ будто и на самомъ дѣлѣ безъ участія духовенства въ учрежденіяхъ гражданского характера, пастырское служеніе его становится одностороннимъ, одностороннимъ?

Изреченіемъ Спасителя: „дадите имъ вы ясти“, имѣющимъ случайное значеніе, о. В. Кузьминъ хочетъ обосновать свой взглядъ на предлагаемое имъ для пастырей новое дѣло. „Дадите, имъ вы ясти“,—вѣдь это сказано апостоламъ въ пустынь, гдѣ, бывшему съ І. Х. народу, нельзя было купить себѣ пищи. Всѣ были голодные, а наступала ночь. И вотъ Господь, сжалившись надъ народомъ, насытилъ его чудеснымъ образомъ. Вѣроятно, событіе это было предусмтрѣно Спасителемъ, разъ Онъ до вечера задержалъ народъ въ пустынь. Вѣдь этимъ чудомъ Господь засвидѣтельствовалъ предъ всѣмъ міромъ о Своемъ Божественномъ происхожденіи, доказалъ Свое Всемогущество. Это чудесное событіе должно, скорѣе, развивать въ пастыряхъ добрыя чувства любви и сострадательности къ бѣднымъ людямъ. Накормить голоднаго, одѣть нагого, послужить больному—эти обязанности сами собой вытекаютъ изъ пастырскаго служенія. Это не только долгъ пастырей, но и всякаго добраго христіанина. А устроить благосостояніе ближнихъ, организоваться для этой цѣли въ кооперативныя товарищества, это противно ученію Христа, который сказалъ: ищите прежде Царствія Божія и правды его, а все необходимое въ жизни будетъ дано вамъ (Мат. 7. 33). Организациа кооперативныхъ товариществъ, это служба не Богу, а мамонѣ.

У приходскихъ пастырей, если только они пожелаютъ трудиться, будетъ довольно и своего пастырскаго дѣла. Неужели

для того, чтобы служеніе пастырей сдѣлалось болѣе плодотворнымъ, нужно искать для нихъ новые пути? Неужели у пастырей остается такъ много свободного времени, которое они могли бы безъ ущерба своему дѣлу отлатъ въ чуждую имъ сферу гражданскихъ установленій? Если у какого пастыря и замѣчается значительный остатокъ свободного времени, то это явленіе ненормальное. Лишній досугъ у пастыря не служить-ли показателемъ его пастырской бездѣятельности. Правда, что у безпечнаго и лѣниваго пастыря, на ввѣренной ему нивѣ Христовой, врагъ свободно заѣзываетъ плевелы. Вотъ и пресловутое деревенское кулачество,— это плевелы на нивѣ Христовой,—уродливое явленіе въ Христіанской жизни. Но чьей бы винѣ оно ни появилось, искать виноватыхъ не будемъ, бороться же съ этимъ зломъ, стараться ослабить его до минимума, это почтеннѣйшій долгъ современныхъ пастырей. Въ этомъ святомъ дѣлѣ они легко могутъ стяжать себѣ уваженіе не только со стороны своихъ пасомыхъ, но и со стороны враговъ Христіанской Церкви.

Господь нѣкогда исцѣлилъ сребролюбивую душу Закхея, и душа его получила способность дѣлать добрыя дѣла. Современные же кулаки не язычники, а христіане. Если они обижаютъ бѣдныхъ, держать ихъ въ кабалѣ, то не видимъ ли въ этомъ явленіи нравственную уродливость, непониманіе христіанскаго ученія? Кому-же, какъ не пастырю, это отступленіе отъ Христовой правды ввести въ русло христіанской жизни.

Впрочемъ, на кулачество нужно взглянуть шире и корни его искать глубже. По нашему мнѣнію,—не кулачество создаетъ бѣдноту, а бѣднота—кулачество. Лучшія матеріальныя условія, въ которыя иной разъ становится деревенская бѣднота, наприм., при хорошихъ урожаяхъ, или по возвращеніи домой съ выгодныхъ отхожихъ заработковъ, не улучшаютъ ее ни въ нравственномъ, ни въ матеріальномъ отношеніяхъ. Напротивъ, болѣе развращаютъ. Въ тотъ годъ, когда родится больше хлѣба, мы видимъ въ народѣ больше пьянства. Возьмите также и отхожіе промыслы:

пріиски, желѣзную дорогу, каменно-угольныя шахты. Тамъ работаетъ деревенская бѣднота. Но тяготитъ ли ее этотъ подневольный трудъ? Существуетъ-ли у этихъ людей стремленіе къ свободной, разумно-нравственной жизни? Ничуть не бывало. Пьянство, развратъ и другіе пороки закалили этихъ несчастныхъ людей и держатъ ихъ, какъ на желѣзной цѣпи въ своей тяжелой неволѣ. Такимъ образомъ кооперативныя товарищества не принесутъ бѣднымъ людямъ ожидаемой пользы, если они сами по себѣ не пожелаютъ быть лучше. Послужить-же къ нравственному возрожденію этихъ людей есть величайшая и благороднѣйшая задача современныхъ пастырей, эта та благодарная почва, на которой пастыри могутъ легко умножить данныя имъ отъ Бога таланты.

Деревенскіе кулаки большею частію люди трезвые и бережливые, исправные плательщики всевозможныхъ повинностей и примѣрные труженики, вообще, лучшіе по своимъ гражданскимъ качествамъ люди. Однако при всѣхъ хорошихъ качествахъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, они являются тормозомъ въ развитіи общаго матеріальнаго благосостоянія народа. Между тѣмъ, если при-смотримъ въ самую гущу деревенской жизни, то увидимъ еще болѣе зла въ бѣдномъ классѣ населенія.

Поэтому будетъ полезнѣе для народнаго блага, если пастыри явятся къ своимъ пасомымъ не въ качествѣ гражданскихъ реформаторовъ, а тѣмъ, чѣмъ они и должны быть по долгу своего призванія, а именно: пробудителями и цѣлителями народной совѣсти, душепастырями ввѣреннаго имъ словеснаго Христова стада. Овцы Мои, говоритъ Спаситель назойливымъ фарисеямъ, слушаются голоса Моего, и Я знаю ихъ, и онѣ идутъ за Мной, и Я дамъ имъ жизнь вѣчную, и никто не похититъ ихъ изъ руки Моей (Іоан. 10. 26—28). Вотъ какъ говоритъ о Себѣ Пастырь добрый. Пожелаемъ искренно, чтобы скорѣе настало то время, когда пастыри станутъ въ такія отношенія къ своимъ пасомымъ, чтобы пасомые слушались голоса ихъ. А этого можно достигнуть во всякомъ случаѣ ужъ не насажденіемъ въ народѣ кооперативныхъ учрежде-

ній, которыя часто не приносятъ желаемой пользы тѣмъ, для которыхъ они насаждаются, а добросовѣстнымъ отношеніемъ къ своему пастырскому дѣлу; стремленіемъ къ правдѣ, къ нравственному возрожденію своихъ пасомыхъ, къ развитію и насажденію добрыхъ началъ христіанской жизни. Создадутся нормальныя отношенія между пастыремъ и пасомыми, тогда овцы за чужимъ не пойдутъ, хотя-бы онъ проливалъ о нихъ крокодиловы слезы, или сулилъ имъ лучшія условія матеріальнаго благополучія, но будутъ удаляться отъ него, потому что голосъ его будетъ чужимъ для нихъ (Іоан. 10. 5).

Итакъ, дорогіе братья во Христѣ, не будемъ слишкомъ падки на новые, невѣдомые намъ, пути. Пойдемъ лучше тѣмъ путемъ, который указанъ намъ Спасителемъ, освещенъ примѣромъ апостоловъ. Потщимся проповѣдывать своимъ пасомымъ, какъ новый укладъ счастливой жизни, не лучшія условія, а нравственное самосовершенствованіе! Не мѣсто красить человѣка, а человѣкъ мѣсто, говорить правдивая пословица народной мудрости.

Нашего сибирскаго крестьянина природа богато одарила всѣмъ необходимымъ для развитія его матеріальнаго благополучія. И если мы видимъ при всѣхъ выгодныхъ условіяхъ крестьянской жизни бѣдность и кабалу, такъ это явленіе случайное, какъ слѣдствіе неразумной и нетрезвой жизни крестьянъ. Прихожане мои въ настоящее время переживаютъ тяжкія лишенія, вслѣдствіе неурожая хлѣба. Вспоминая съ горечью свою безумную, разгульную жизнь въ минувшіе урожайные годы, говорятъ, что не видать бы имъ этой нужды, если бы они были тогда немного повоздержнѣе. Три селенія моего прихода въ 1908 году снесено въ винную лавку болѣе 20.000 рублей. Вотъ гдѣ корень всѣхъ народныхъ бѣдствій! Вотъ настоящая причина народнаго обнищанія. Не требуется намъ кооперативныхъ товариществъ, если мы, пастыри, сумѣемъ отвлечь народъ отъ пьянства и направить его по пути трезвой, разумной жизни. 20.000 руб. на водку...—вѣдь это что-то чудовищное, а между тѣмъ фактъ совершившійся: 20.000 р.

на приходъ, вѣдь это въ общей сложности по 40 руб. на дворъ! Нужно-ли послѣ этого говорить о кредитныхъ товариществахъ? Уничтожьте пьянство, сама собой отпадетъ потребность въ кредитѣ. Возможность кредита не создастъ-ли лишнюю возможность къ лишней попойкѣ? Кредитъ для человѣка, имѣющаго склонность къ водкѣ, — опасная поддержка.

Но одной трезвости для полного благополучія нашего бѣднаго народа еще недостаточно. Нужно развить въ немъ любовь къ святому труду, честность, бережливость и другія христіанскія добродѣтели.

Въ тѣхъ-же случаяхъ, когда бѣдность явится къ намъ, какъ послѣдствіе наказанія Господня, ниспосылаемаго для нашего испытанія, а иной разъ и для исправленія грѣшныхъ людей, долгъ пастырей располагать близкихъ имъ состоятельныхъ людей своимъ примѣромъ и словомъ увѣщанія къ посильной помощи несчастнымъ. Кромѣ матеріальной помощи пастыри должны нести страдальцамъ слово утѣшенія и ободренія, влить въ нихъ надежду на помощь Божию. Хорошее, сердечное слово, во-время сказанное имъ пастыремъ, укрѣпитъ ихъ въ твердомъ и безропотномъ перенесеніи скорбей, поддержитъ въ нихъ человѣческое достоинство и дастъ силы для борьбы за лучшее будущее, при помощи Божіей.

Вотъ путь православнаго пастыря, самый вѣрный и надежный для него и спасительный для его пасомыхъ. Пастырская дѣятельность, направленная этимъ путемъ, несомнѣнно будетъ служить залогомъ къ поднятію въ народѣ пастырскаго авторитета, —поможетъ пастырямъ и въ дѣлѣ улучшенія матеріальнаго благосостоянія народа.

Свящ. *Іоаннъ Парышевъ.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

Корреспонденція.

„Да будутъ всѣ едино; какъ Ты, Отче, во мнѣ и я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ насъ едино“... Іоан. 17—19.

На одномъ изъ пастырскихъ собраній духовенства Енис. Епар. между прочимъ было признано весьма желательнымъ участіе духовенства въ кооперативномъ движеніи; даже одинъ изъ о. о. присутствующихъ на собраніи по этому вопросу сдѣлалъ подробный докладъ, помѣщенный на страницахъ мѣстнаго епархіального органа. Въ своемъ докладѣ авторъ доказывалъ, что кооперативныя товарищества весьма полезны; призывалъ къ участию въ нихъ пастырей, указывалъ, что долгъ пастыря поднять благосостояніе народное, что послѣднее согласно съ пастырскимъ назначеніемъ и его дѣятельностью; что и Христосъ дѣлалъ то же, когда накормилъ народъ въ пустынномъ мѣстѣ.

Никто конечно не будетъ оспаривать справедливости такого мнѣнія; дѣйствительно, пастырь церкви, какъ стражъ народный, долженъ имѣть неусыпное бдѣніе не только о духовномъ, но и о матеріальномъ преуспѣяніи своей паствы. Досадно нѣсколько за то, что о. о. собранія не затронули вопроса относительно того, насколько удовлетворяются духовныя потребности пришлаго къ намъ населенія—переселенцевъ. Вѣдь извѣстно, что волна переселенцевъ хлынула большимъ потокомъ къ намъ въ Сибирь и нѣтъ кажется уѣзда, или даже волости, гдѣ бы не было переселенцевъ. Все это большею частью бѣдный народъ, нужда котораго заставила искать счастья на чужой сторонѣ, заставила бросить свои родныя мѣста и снова привыкать ко всему чужому въ суровомъ Сибирскомъ краѣ. Непривѣтливо ихъ, переселенцевъ, въ Минусинскомъ уѣздѣ встрѣтилъ послѣдній годъ; неурожай далъ себя почувствовать; за все приходится имъ платить бѣшенныя деньги; слѣдовательно, съ матеріальной точки зрѣнія, дѣла новяковъ не блестящи.

Не лучше у переселенцевъ положеніе и относительно ихъ духовныхъ нуждъ. Слѣдуетъ замѣтить, что многіе переселенцы —люди глубоко-религіозные. Но удовлетворять это чувство приходится безъ руководства пастыря, такъ какъ переселенцы имѣютъ свои поселки большею частью далеко отъ храма; если къ этому еще прибавить неудобное сообщеніе съ селомъ, то можно представить себѣ, какъ должны страдать и тосковать новяки. Приходилось часто слышать такія слова переселенцевъ: „скучно безъ храма, а мы привыкли къ нему въ Россіи; здѣсь же не отличишь простого дня отъ воскреснаго, такъ какъ только въ храмѣ отдыхаешь отъ повседневныхъ заботъ, забываешь обиды и неудачи жизни, набираешься свѣжихъ силъ для предстоящей недѣльной работы“. И это сказана истинная правда. Если бы кто видѣлъ и слышалъ, какъ отъ души молятся переселенцы! Напримѣръ, во время лѣтнихъ молебновъ о бездождіи пѣлъ у нихъ свой хоръ, и слова припѣва: „даждь дождь земли жаждущей, Спасе!“ вырывались изъ глубины души; въ нихъ слышалась надежда на Бога, казалось, что это стонетъ наболѣвшее сердце, прося о самомъ необходимомъ, о хлѣбѣ насущномъ; слова припѣва поражали посторонній слухъ и заставляли задуматься вообще о судьбѣ и жизни людской.

Мнѣ скажутъ, что въ настоящее время приняты энергичныя мѣры къ удовлетворенію религіозныхъ нуждъ переселенцевъ; учреждаются денежные фонды на постройку храмовъ, послѣдніе строятся; въ Москвѣ существуютъ курсы для подготовки пастырей переселенцамъ; все это прекрасно, своевременно и цѣлесообразно; но этого мало; необходимо немедленно посылать пастырей въ переселенческіе поселки; учредить походныя церкви, чтобы поддержать во время духъ народа, не дать ему упасть, что важно для людей на чужой сторонѣ. И прежніе пастыри переселенцевъ, имѣя послѣднее въ виду, провожая ихъ, говорили народу: „Богъ Вамъ поможетъ въ чужой сторонѣ, тамъ тоже есть пастыри, которые Васъ не оставятъ“. На самомъ же дѣлѣ извѣстны случаи у переселенцевъ, что ихъ умершіе не были отпѣты по христіанскому обряду болѣе

года; люди умирали безъ напутствованія Св. Тайнами; не по винѣ конечно пастырей, а просто вслѣдствіе дальняго разстоянія отъ ближайшаго села, а также неудобнаго времени года....

Итакъ, необходимо итти немедленно на встрѣчу религіознымъ потребностямъ народа; для этого можно въ мѣста переселенческія посылать пастырей монашествующихъ, которые не связаны ничѣмъ мірскимъ; для нихъ у переселенцевъ постоянно найдется привѣтъ, пріютъ и небольшія средства, пайдется и помѣщеніе для богослуженія. При этомъ нужно вмѣнить въ обязанность о. о. благочиннымъ, чтобы они собирали свѣдѣнія о всѣхъ переселенческихъ участкахъ въ ихъ благочиніи, пріѣзжали бы въ поселки сами и лично освѣдомлялись о религіозныхъ нуждахъ народа, донося всякій разъ о требуемомъ начальству; послѣднее въ интересахъ самихъ же пастырей; неужели они будутъ дожидать до тѣхъ поръ, когда волкъ расхититъ овецъ и разгонитъ ихъ; вѣдь долгъ пастыря—самый главный—прежде всего привести въ единство Христово стадо, помня слова Спасителя: „Да будутъ всѣ едино; какъ Ты, Отче, во Мнѣ, и я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ Насъ едино...“ (Іоанна 17 г., 19 стих.)

Затѣмъ уже, исполня единое на потребу, можно сказать словами докладчика; „Не отпускайте-же, братья пастыри, народъ „въ окрестныя веси, да купятъ брашны себѣ“!...

Нѣтъ! „Вы дайте имъ ѣсть!“...

Свящ. Н. Пикановскій.

† Памяти воспитанника Красноярской духовной семинаріи Николая
Ник. Амантова.

Наша *alma mater* въ этомъ году теряетъ второго своего питомца: не успѣла улѣтѣть въ Лету забвенія память о скончавшемся лѣтомъ с. г. воспитанникѣ 4 кл. Кэпѣйкинѣ, какъ смерть похитила новую жертву: въ ночь на 9 ноября скончался отъ возвратнаго тифа воспитанникъ IV кл. Николай Ник. Амантовъ. Заболѣвъ въ сентябрѣ тифомъ, покойный послѣ двухъ мѣсяцевъ своего недуга сталъ понемногу выздоравливать, какъ вдругъ болѣзнь, незамѣтнымъ образомъ даже для родныхъ, возвратилась, безпощадно схватила и унесла въ могилу молодую жизнь.

Покойный былъ добрымъ, отзывчивымъ товарищемъ, обладалъ высокими христіанскими добродѣтелями: кротостью, миролюбіемъ и добродушіемъ; какъ воспитанникъ, былъ усерднымъ и прилежнымъ труженикомъ; всѣми этими качествами покойный оставилъ по себѣ среди товарищей добрую и свѣтлую память.

Вечеромъ 9 ноября въ квартирѣ усопшаго было совершено всенощное заупокойное бдѣніе, а утромъ 10-го, послѣ литіи, гробъ съ покойнымъ былъ вынесенъ его товарищами въ семинарскую церковь, въ которой семинарскимъ священникомъ (о. Ректоръ былъ боленъ) совершены были: Божественная заупокойная Литургія и чинъ погребенія усопшаго.

Въ концѣ Литургіи, во время запричастнаго стиха, воспитанникомъ IV класса Веніаминомъ Подкопаевымъ сказано надгробное слово. Во время чина погребенія у гроба усопшаго сказана надгробная рѣчь воспитанникомъ V кл. Ал. Шахматовымъ.

По окончаніи чина погребенія и послѣдняго прощанія съ усопшимъ гробъ съ усопшимъ былъ поднятъ и вынесенъ воспитанниками изъ церкви; предъ входомъ въ зданіе семинаріи съ умершаго была снята однимъ воспитанникомъ фотографія. Послѣ этого, при печальномъ перезвонѣ колоколовъ семинарской церкви, печальная процессія съ пѣніемъ воспитанниками семинаріи „святый Боже“... двинулась по главной улицѣ города. Гробъ съ умершимъ несли воспитанники.

Предъ зданіемъ духовнаго училища, питомцемъ котораго состоялъ нѣкогда усопшій, была отслужена краткая литія; послѣ этого процессія двинулась далѣе; идущіе на встрѣчу процессіи прохожіе останавливались, снимали шапки, экипажи сторонились и давали дорогу. Было около 1 часу пополудни, когда печальная процессія прибыла на гору, къ мѣсту вѣчнаго упокоенія; послѣ литіи гробъ при пѣніи надгробной пѣсни былъ опущенъ въ могилу.

Со святыми упокой, Христе, душу раба Твоего Николая, идѣже нѣсть печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная.

Н.

Слово къ воспитанникамъ семинаріи при гробѣ умершаго товарища Н. Н. Амантова.

Опять, друзья, пришла къ намъ смерть и на своихъ страшныхъ крыльяхъ унесла отъ насъ новую молодую жизнь, юную крѣпкую силу. Мы еще не успѣли пережить прежнихъ тяжелыхъ впечатлѣній смертнаго дыханія, а уму и сердцу снова приходится трепетать передъ суровымъ ликомъ все разрушающей силы. На фонѣ нашей молодой, только что расцвѣтающей жизни явленіе ея поражаетъ своимъ несоотвѣтствіемъ со всѣмъ окружающимъ. Вокругъ молодые здоровыя лица, юноши, полные энергіи и очарованные жизнью, поюшіе ей свою торжественную пѣснь, и всѣ они склонились надъ гробомъ, преждевременно пораженного смертью, товарища. Не диссонансъ ли это среди стройнаго хора кипучей жизни?

Многіе изъ васъ, конечно, размышляли и сейчасъ размышляютъ надъ этимъ неразрѣшимымъ вопросомъ жизни и смерти; у многихъ, вѣроятно, является по этому поводу цѣлое море сомнѣній, разочарованій, цѣлый рядъ непонятныхъ загадокъ: что и для чего наша жизнь, когда она такъ безвременно и совершенно случайно уничтожается безпощадною смертью? Да и къ чему тогда жить, когда знаешь, что, можетъ быть, завтра самъ будешь во гробѣ и вмѣсто сегодняшняго торжественнаго гимна юной жизни черезъ день надъ тобой запоютъ плачевную пѣснь погребенія! Подумаешь

обо всемъ этомъ и такъ безпріютно и безнадежно станетъ на душѣ. И грозный призракъ смерти, явленіе котораго передъ нами мы допускали лишь въ туманной возможности, теперь стоитъ лицомъ къ лицу во всемъ своемъ безобразномъ величїи. Невольно самъ собою созрѣваетъ вопросъ: если смерть такъ неизбежна и такъ бываетъ безвременна, если она выбираетъ свои жертвы, не щадя ни пола, ни возраста, ни красоты, ни силы, то что же намъ дѣлать, куда уйти отъ страха смертнаго и гдѣ найти опору для жизни своей?

Утѣшеніе и опору мы непременно найдемъ для себя, если будемъ глядѣть на вещи болѣе глубокимъ, сознательнымъ взоромъ. Правда ли то, что жизнь человѣка окружена чисто случайными явленіями, что все въ этомъ мірѣ пустая игра обстоятельствъ безъ цѣли и причины? Нѣтъ, друзья, въ мірѣ не существуетъ случайностей: надъ всеми явленіями міровой жизни царитъ правящее око Всемогушаго Бога, и все, что ни совершается на землѣ, все совершается по Его святой волѣ. Не изъято изъ этого общаго закона космическаго бытія и явленіе смерти. А если правда то, что смерть посылается Богомъ, то не должна она страшить насъ своимъ леденящимъ дыханіемъ, своимъ безобразнымъ и грознымъ ликомъ, ибо тогда она не просто случайное неразгаданное явленіе, не простое возвращеніе природѣ ея первоначальныхъ элементовъ, которымъ прекращается всякое личное бытіе, а переходъ изъ одной жизни въ другую, изъ жизни временной, скоропреходящей, полной лишеній и невзгодъ, въ жизнь лучшую, вѣчную, гдѣ нѣтъ печалей и воздыханія.. Такая смерть не должна быть страшна для насъ. Не ужасомъ и безутѣшными рыданіями будемъ мы встрѣчать ее лицомъ къ лицу, а съ тихой радостію и готовностью послѣдовать въ иную жизнь.

Не должно насъ пугать и то, что смерть иногда прекращаетъ жизнь въ самомъ ея расцвѣтѣ, когда на нашемъ небосклонѣ еще, такъ сказать, чистое, свѣжее утро. Не должно страшить потому, что въ данномъ случаѣ смерть является избавительницей отъ тяже-

лаго, грозного дня жизни, когда на нашемъ горизонтѣ уже не свѣтитъ яркое солнышко, а ходять мрачныя тучи зла, собирающіяся въ гибельную для человѣка грозу.

Вотъ, если-бы всѣ эти мысли, вѣроятно, и прежде небезъизвѣстныя вамъ, вы еще разъ продумали здѣсь, передъ стоящимъ гробомъ, то конечно, нашли бы непоколебимую, твердую точку опоры для дальнѣйшей своей жизни. Тогда бы не страшна стала для васъ смерть; вы бы смѣло шли по жизненному пути и безстрашно смотрѣли въ глаза угрожающей смерти, когда Богу будетъ угодно послать ее и по вашу жизнь.

Итакъ, товарищи-юноши! не мѣсто здѣсь отчаянію и безутѣшной скорби; пусть ваши сердца наполнить спокойная готовность подчиниться судьбамъ Божиимъ; изъ устъ же да исходитъ горячая молитва о усопшемъ, чтобы Господь упокоилъ его въ мѣстѣ свѣтлѣ и злачнѣ.

А ты, дорогой товарищ! прими отъ насъ послѣднее „прости“ и доброе молитвенное напутствіе въ твой дальній путь. Равно и неожиданно для всѣхъ насъ собрался ты въ это далекое странствованіе, но утѣшайся и вѣрь, что свѣтлая цѣль впереди у тебя, „что блаженъ путь въ онъ же идеши, душе, яко уготовася тебѣ мѣсто упокоенія“. Аминь.

Веніам. Подкопаевъ.

Слово,

сказанное при погребеніи воспитанника Красноярской
Духовной семинаріи Николая Амантова.

10 ноября 1910 года.

Со святыми упокой, Христе,
душу раба Твоего, Николая.

Пробилъ роковой часъ, и неумолимая, грозная смерть вновь похитила изъ среды нашей товарища. Еще свѣжи въ сердцахъ нашихъ воспоминанія о безвременно скончавшихся трехъ товарищахъ-семинаристахъ, какъ предъ нами новая утрата, новая

жертва смерти. И мы, опечаленные, собрались предъ его бездыханнымъ тѣломъ и съ нѣмой тоской устремили на него свои взоры.

Дорогой нашъ товарищъ! Вотъ мы всѣ собрались къ твоему гробу. Взгляни на насъ, и ты увидишь вокругъ себя толпу твоихъ друзей и близкихъ родныхъ, пришедшихъ проводить тебя въ послѣдній путь, въ страну, „идѣже нѣсть лицепріятія“, гдѣ нѣтъ ни болѣзней, ни печали, ни воздыханія. И твои друзья смотрятъ на тебя и не узнаютъ. Такъ измѣнила лицо твое печать смерти. Какъ же это случилось, что ты лежишь здѣсь въ гробу бездыханнымъ, ты, котораго мы еще недавно видѣли здоровымъ и жизнерадостнымъ? Мы не видимъ твоего свѣтлаго взора, не слышимъ больше твоего голоса. Думалъ ли ты о своей близкой кончинѣ? Тяжелый двухмѣсячный недугъ подкосилъ твое здоровье, и ты умеръ..., умеръ тогда, когда лишь расцвѣтала твоя настоящая жизнь, когда ты всѣмъ существомъ протестовалъ противъ смерти. Но тайна совершилась... тебя не стало... Тяжела была твоя земная жизнь, но ты терпѣливо несъ на плечахъ жизненное бремя. Твои способности не позволяли тебѣ успѣшно переходить изъ класса въ классъ, но ты не падалъ духомъ и съ мучительною настойчивостью старался не отставать отъ одноклассниковъ. Передъ нами нынѣ встаетъ твой живой образъ. Ты былъ тихъ и незамѣтенъ среди товарищей. Шумныя удовольствія, свойственныя нашему возрасту, никогда не прельщали тебя, и ты по возможности старался улаяться отъ нихъ. Ложь и притворство одинаково не находили мѣста въ твоемъ сердцѣ. Такимъ тебя знали всѣ одноклассники и товарищи. Твоя незлобивость и беззащитность нерѣдко служили причиной неумѣстныхъ шутокъ со стороны товарищей. На насмѣшки и обиды ихъ ты отвѣчалъ полнымъ незлобіемъ и никому не мстилъ, хотя имѣлъ на это основанія. И стыдъ раскаянія мучить наши сердца, что мы не умѣли оцѣнить твоей доброты, достойной глубокаго уваженія и подражанія. При жизни своей ты не имѣлъ среди насъ враговъ, ибо всѣхъ побѣждалъ ты своей добротой и любовью. Ты охотно приходилъ

всякому на помощь, если кто либо изъ насъ нуждался въ ней. Вся жизнь твоя прошла честно, и ты съ открытымъ лицомъ можешь предстать предъ лицо Господа. И нынѣ мы собрались предъ твоимъ гробомъ, соболизнуя о твоей преждевременной смерти. Ахъ, зачѣмъ ты такъ рано покончилъ житіе свое! Рано бы тебѣ умирать, вѣдь тебѣ лишь исполнилось 22 года. Налобно бы тебѣ еще жить, но отлетѣла твоя душа, и ты умеръ... Что же мы можемъ сказать тебѣ, дорогой товарищъ?! Прости! До свиданья! Скоро увидимся. Пройдетъ нѣсколько времени, и мы все, оставшіеся здѣсь, одинъ за другимъ, перейдемъ туда, куда отошла теперь твоя чистая душа. Ты не уничтожился и не умеръ, но „спишь до общаго всемъ возстанія“. Однако жаль, что ты умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, не вкусивъ всехъ радостей жизни, не дойдя до конца того пути, къ которому тебя призывала Семинарія.

Что ждешь тебя за тайной гроба, мы этого не знаемъ: земной туманъ застилаетъ взоры наши предъ тайной вѣчности.

И вы, товарищи и родственники умершаго, не печальтесь о преждевременной его смерти. Вы видите этотъ гробъ, стоящій посреди храма. Въ немъ лежитъ бездыханный, почтенный и благородный труженикъ. Какъ же, отчего это случилось, что онъ покинулъ насъ?! Пути промысла Божія для насъ не понятны. Такъ угодно Богу. Въ мірѣ нѣтъ ничего случайнаго, ибо безъ воли Божіей и птица не упадетъ на землю. Да, угодно Богу, чтобы умеръ нашъ товарищъ, и онъ умеръ... Въ этомъ, быть можетъ, видно особенное руководство Божіе: кто знаетъ, что-бы постигло его въ будущемъ, если бъ онъ еще жилъ? Умершій былъ достоинъ уваженія по чистотѣ и правотѣ своей души, по кротости и незлобію сердца своего. Сохранилъ ли бы онъ эту чистоту души своей въ дальнѣйшей жизни? Богъ по особой любви Своей къ умершему не благоволилъ, чтобы онъ жилъ, ибо Онъ видѣлъ, что для него спасительнѣе умереть, чѣмъ жить. О, счастливъ ты, умершій братъ Николай, что теперь ты въ такомъ святомъ собраніи, откуда не отпустятъ тебя безъ христіанскаго пособія, откуда проводятъ тебя святыми

молитвами о упокоеніи души твоей! О! счастливъ ты, что ты теперь въ такомъ святомъ мѣстѣ, гдѣ съ молящимися о упокоеніи души твоей предстоитъ Самъ Иисусъ Христосъ, твой Судія, на судъ къ Которому идетъ теперь душа твоя!!

Итакъ, друзья мои, отдадимъ послѣдній долгъ умершему товарищу Николаю; но долгъ послѣдній состоитъ не въ томъ, чтобы неутѣшно плакать по усопшему, а болѣе въ томъ, чтобы усердно молиться о упокоеніи души его. Плакать неутѣшно при погребеніи умершихъ, значить упускать время, самое благоприятное для молитвы о нихъ. Хорошо ли бы сдѣлалъ тотъ, который, видя погибающаго и имѣя возможность помочь ему, только бы плакалъ и рыдалъ, ничего не предпринимая къ спасенію его? Едва ли лучше дѣлаемъ и мы, когда только плачемъ и сѣтуемъ при погребеніи умершихъ. Слезы бесполезны для умершихъ и едва ли пріятны имъ. Имъ нужны не слезы, а молитвы. Но нельзя не плакать!! Плачьте, но въ то же время и молитесь! Будемте же молиться всѣ, чтобы Господь Богъ помиловалъ его, по Своей безпредѣльной милости, чтобы простилъ ему всякое прегрѣшеніе вольное и невольное, чтобы учинилъ душу его, гдѣ всѣ праведные покоятся, чтобы упокоилъ ее „въ мѣстѣ злачнѣ. въ мѣстѣ покойнѣ, отнюду-же отбѣже печаль и воздыханіе“.

Услыши, Господи, наше нынѣ общее и согласное моленіе о рабѣ Твоемъ Николаѣ, яви ему милость Твою и упокой его со святыми Твоими.

Воспит. V класса К. Д. С. А. *Шахматовъ*.

Редакторъ А. Богдановъ.

Печатать разрѣшается. Цензоръ, Ректоръ Дух. Сем., прот. Н. Асташевскій.

Тип. М. И. Абалакова.